

Н. Г. КУЗНЕЦОВА (Томск)

ИМПЕРАТИВ В ЮЖНЫХ ДИАЛЕКТАХ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА

Исследователи различных языков неоднократно обращали внимание на особое место императива в глагольной системе (см., например, Виноградов 1938 : 459; Jakobson 1971 : 10; ИТМГЯ 244; Храковский, Володин 1986 : 11). Это способствовало углубленному изучению его семантики, парадигмы, функции, вело к разработке новых концепций. Последние, в отличие от традиции трактовать императив как одно из наклонений (см., например, Потебня 1941 : 4, 179), выносят императив за рамки данной категории (Glinz 1961 : 111; Штелинг 1973; Пазухин 1974; Moskalskaja 1975 : 75; Храковский, Володин 1986 : 68—70). В статье приводятся результаты исследования императива в селькупском языке (южные диалекты, тымско-нарымско-кетско-обский ареал — Хелимский 1985 : 54), осмысление и интерпретация которых может предоставить интерес для дальнейшего развития соответствующей теории.

Из современных диалектов селькупского языка наиболее развернутая парадигма императива представлена в тазовском (сев.). Она строится на противопоставлении двух лиц, (2, 3), трех чисел (ед., дв., мн.), двух типов спряжения (субъектное, объектное) и включает 11 личных форм (во 2 л. дв. ч. различий по типам спряжения не отмечается — ОчСЯ 247—248). В южном языковом ареале наметилась тенденция к свертыванию императивной парадигмы, что выражается в уменьшении числа членов (исчезают из употребления периферийные формы — 3 л.) и увеличении количества синкретичных словоформ (индикатив—императив, субъектное—объектное спряжение — 2, (3) л. дв., мн. ч.; ср. Castgén—Lehtisalo 1960). Из центральных форм парадигмы (2 л.) здесь наиболее употребительны формы единственного числа. По-видимому, вследствие синкретизма индикатив—императив в двойственном и множественном числе они могут указывать и на неединичного исполнителя каузируемого действия (? нейтрализация оппозиции по числу исполнителей-слушающих): тым. *mat čaržeka tūjak migak masse peld eš andip nopasto kβendegu* 'я близко подошел, говорю: «Помоги (те) мне лодку в Напас увезти».'

Парадигматическим значением императива в южных диалектах селькупского языка выступает волеизъявление говорящего, требующее немедленного исполнения со стороны слушателя или лица, которое непосредственно в речевом акте не участвует (прямое или косвенное побуждение). С утратой парадигмой императива периферийных форм его значение ограничится выражением прямого побуждения. Волеизъявление, требующее немедленного исполнения, реализуется, как правило, в приказе, реже — в просьбе. Приказ (импульс каузации — от говорящего, исполнение каузируемого действия — в интересах говорящего, го-

ворящий ставит себя или стоит выше слушающего — Храковский, Володин 1986 : 138): тым. *elmatileka čenča nēmba βāryo kanak neβat kōbit tat pangβal a tap aβerkut paja kβitika portiš a tap amda* 'внук говорит: «Баба, большая собака, заячьи шкуры ты кладешь, а она ест». Старуха говорит: «Пошел!», а она сидит»; нар. *čündemdə tappolode inne βa žēšpək* 'коня своего пнул: «Вставай!»' (из сказки); об. *ollaga tarīn könt onent mistayənt kβanķə tegil'dek* 'голова сказала: «Лошадь, иди на свое место, распрягайся!»' (из сказки); кет. *nom tarān kβenak tēgnaŋ* 'Бог сказал: «Уходи от меня!»' (из сказки); просьба (импульс каузации — от говорящего, исполнение каузируемого действия — в интересах говорящего, говорящий ставит себя не выше слушающего — Храковский, Володин 1986 : 139): тым. *tebit somblazar čilogram iatit a karit nimba βaliležiga tünza meka βažet mekeš tat koroFon kβitpinand* 'они 50 кг взяли, а утром бабушка Варвара пришла: «Мне мясо дай, ты медведя добыл»; кет. *innezat k̄ariñnat tündə lerimbot irra šinat misalak* 'братья кричат: «Мы огня боимся, старик, нас выдерни (из огня)»' (из сказки); об. *iga udou tiket udou tiket* 'сын, руки-мои развяжи, мои-руки развяжи' (из сказки); нар. *kuralžit tabind tīnd k̄algu* 'разреши ему здесь остаться' и т. д. Следовательно, сферой употребления императива в южноселькупских диалектах, как и в других языках, выступают прежде всего предложения с побудительной целеустановкой. Обычно значение волеизъявления и особенно ограниченность использования определенным коммуникативным типом предложения дают основание ряду лингвистов рассматривать императив за пределами категории наклонения (Glinz 1961 : 38; Moskalskaja 1975 : 75; Штелинг 1973). Между тем в южных диалектах селькупского языка формы императива выступают не только в высказываниях апеллятивного типа. Здесь при отсутствии дебитива (представленного в северных — ОчСЯ 246) и глаголов, специализирующихся на передаче долженствования, формы императивной парадигмы могут обозначать действия, которые должны произойти или которые нужно выполнить (например, нар. *naī nik kallī k̄anduk ēya* 'все должно остаться так, как есть'; *tat k̄alešpiķ māt* 'ты должна остаться дома'; *tat umbi meka tōk* 'ты обязательно должен прийти' и т. п. — Морева, Алиткина 1976 : 99—100).

Такое функционирование императива объясняют, если признавать наличие у него, как и у оптатива, способности выражать наряду с волеизъявлением и внутреннюю модальность. Под ней понимается отношение субъекта (реже — объекта) действия к совершаемому им действию (для объекта — отношение к действию, которому он подвергается) — необходимость, желательность, возможность (Ермолаева 1978 : 12). Функции волеизъявления и внутренней модальности в императиве обычно совмещены, в то время как оптатив нередко передает указанное модальное значение без какого-либо оттенка волеизъявления (Кузнецова 1988 : 191). Приведенные же примеры могут быть интерпретированы как обозначение императивом необходимости (внутренняя модальность) без указания на волеизъявление говорящего. Способность императива — категории исторической — выражать внутреннюю модальность и без передачи волеизъявления, по-видимому, является архаичной чертой языка (см. также ИТМГЯ 229). Поскольку значения внутренней модальности передают (наряду с модальными глаголами) формы наклонений, при подобном использовании императива как будто нет препятствий для рассмотрения его в качестве наклонения.

Трактовке императива в южноселькупских диалектах в качестве наклонения не противоречит и его семантическая связь с оптативом, конъюнктивом, кондиционалисом. Использование форм конъюктива и оптатива в роли периферийных императивных известно во многих языках мира и объясняется наличием общего компонента в семантике императива, конъюктива и оптатива: они обозначают действие, которое может быть осуществлено после момента речи (Храковский, Володин 1986 : 53). Специфика селькупского (южн.) состоит в том, что формы конъюктива и оптатива выступают в нем синонимами как периферийных, так и центральных форм императивной парадигмы (примеры далее).

Оптатив в селькупском языке, выражая волеизъявление говорящего и внутреннюю модальность, противопоставляет императиву в плане оттенков волеизъявления (необязательность/обязательность немедленного исполнения). Если на севере (таз.) оптатив как средство выражения волеизъявления в отличие от императива мало используется для апеллятивного общения (ОчСЯ 245—246), то в южных диалектах (тымско-нарымско-обский ареал) эти наклонения сближаются в синтаксическом плане. Формы желательного наклонения здесь шире используются в предложениях с побудительной целеустановкой и могут передавать предложение совершить какое-либо действие или просьбу (чаще некатегорическую). Предложение (импульс каузации — от говорящего, исполнение каузируемого действия — в интересах слушающего (=исполнителя) или совокупного исполнителя, куда входит и сам говорящий, говорящий ставит себя не выше слушающего — Храковский, Володин 1986 : 140, 167): тым. *loka talđomđi pōne tazid aβe špīlel kanaŋ mat talđom* 'лиса хвост свой наружу высунула: «Ешь, собака, мой хвост!» (из сказки); об. *onenž poroŋomt natkalel tugondo to* 'очисти свою одежду от ила' (ср. одно из значений оптатива (таз.) — пожелание или побуждение, обращенное говорящим к себе или группе лиц, в которую он входит: *qontallēlak* 'вздремну-ка я!', *qallymyn* 'пойдемте' — ОчСЯ 245—246); просьба: тым. *loya tūjβa neβani madini ūdīlel maziŋ onenžini matti βargigu* 'лиса пришла к зайцу, просит: «Пусти меня к себе в дом жить» (из сказки); об. *koralžilel tabi tīnd kalgu* 'разреши ему здесь остаться'; нар. *mažik ūdlīnd tīndakto mēndugu* 'дай мне пройти' и т. д. Предложение совершить какое-либо действие иногда передают и формы императива: кет. *nom piššene megnan illeka k* 'Бог рассмеялся: «Ты у меня по живи!» (из сказки); тым. *apsim kalimbsane teben kanaŋm meat aβe špēt padi nūnžand* 'еда осталась, ее собаке отдал: «Ешь, поди устала ты»; нар. *mažed onenžerend naiβ* 'отрежь себе хлеба'; об. *estā tariŋ siγalga pōttōn parottā kōddak* 'отец сказал: «Залезь на печь, спи» и т. п. Такое функционирование может рассматриваться как использование императива в оптативном значении. Транспозиция императива в сферу употребления оптатива имеет место и при выражении пожелания на будущее: нар. *taper šeniχande šastliβak βargili* 'теперь с женихом своим двое живите счастливо'; *mīyont ne nadi načat tēijaχ* 'нам они не нужны, пусть они там сгниют (двое)' и т. п. В свою очередь передача формами желательного наклонения просьбы указывает на использование оптатива в императивном значении (ср. Морева 1975 : 124).

Появление императива в оптативных контекстах и оптатива в императивных ведет к возникновению такой области значений, в которой

формы наклонений выступают параллельно. При этом отмечается нейтрализация противопоставления оптатив—императив в отношении оттенков волеизъявления, имеющая двусторонний характер. Тем самым создаются семантические предпосылки для объединения форм двух наклонений в одной парадигме. Однако единая парадигма на их основе невозможна, пока не устранится синонимическое употребление оптатива и императива в одном и том же лице (2, 3) и между наклонениями не сложатся отношения дополнительной дистрибуции (например, 1 (3) л. — оптатив, 2 (3) л. — императив). Объединению препятствует также возможность использования оптатива для выражения внутренней модальности без какого-либо оттенка волеизъявления (Кузнецова 1988 : 191). Не могут быть включены в парадигму повелительного наклонения и оптативные формы какого-либо одного лица: в рамках желательного наклонения разграничение желания и побуждения через категорию лица не наблюдается (иначе: Морева 1975 : 119—124; Moreva 1985 : 59). Для объединения в одной парадигме форм императива и адхортатива (< оптатив), которые в кетском диалекте находятся в отношениях дополнительной дистрибуции (2, 3 л. — императив, 1 л. — адхортатив), существует препятствие формального характера. Маркер адхортатива (< оптатив) встает между основой и показателями лица-числа, употребляющимися во всех наклонениях, кроме повелительного (Кузнецова 1988 : 193; аналогично Терещенко 1979 : 216).

Для передачи мягкого, некатегоричного побуждения к действию (совет или просьба) в селькупских диалектах южной группы используется и конъюнктив: кет. *madarbiñindī madatko* 'попросил бы ты дом'; тым. *tūkenendī xoš moš biť korofi kbellendse* 'пришел бы ты хоть, может быть, медведя добудешь'; нар. *pajandī tentrla tattī iri kβanbnind* 'жена его говорит: «Ты бы не ходил»'. Формы этого наклонения (3 л.) способны также выражать желание, чтобы что-либо случилось или не случилось в будущем (кет.): *prašaj pušt tendene sailal eneti kak meŋga man ƙolam* 'прощай, пусть тебе твои глаза будут, как мне мои уши'; *ütet nar štob as ƙoi ƙula kūtjadat ƙoi ƙula ƙounedat* 'пошли так, чтобы небогатые люди заболели, богатые разбогатели (букв. пусть разбогатеют)'. Описанное функционирование сослагательного наклонения может рассматриваться как его транспозиция в сферу употребления оптатива (императива). Для выражения отрицания перед формами конъюктива и оптатива, передающими побуждение к совершению действия, используется частица *iki* 'не' с вариантами, обычно обслуживающая императив: тым. *eβiť čenča iki tūriľende* 'мать-ее говорит: «Не плачь»' (оптатив); нар. *pajandī tentrla tattī iri kβanbnind* 'жена его говорит: «Ты бы не ходил»' (конъюнктив). В то же время в императивных высказываниях, имеющих характер инструкции (импульс каузации — от говорящего, исполнение каузируемого действия — в интересах слушающего, говорящий ставит себя выше слушающего, характерная особенность — наличие анонимного говорящего и неопределенного множества анонимных слушающих (= исполнителей) — Храковский, Володин 1986 : 139), возможно появление отрицательной частицы (ее вариантов), употребляемой во всех наклонениях, кроме повелительного: тым. *aptsul kβila a atgāt* 'вонючую рыбу нельзя есть (букв. не ешь)'; нар. *taβ griβip igi aβešpad* 'этот гриб нельзя есть (букв. не ешь)'.

Конъюнктив и оптатив наряду с императивом могут передавать и долженствование: нар. *tabi kβälanya masse* 'ты должен пойти со

мно́й' (оптатив); *kaim ombi mat mešplage* 'что же я должен делатъ?' (оптатив); *tolmatkij mólzimbani* 'комната должна быть прибрана' (конъюнктив) и т. п. В этом случае различия в семантике синонимически используемых форм касаются тонких модальных оттенков (Морева 1972 : 82; 1975 : 123).

Кроме транспозиции в область функционирования оптатива (предложение, пожелание на будущее) встречается употребление императива (3 л. ед. ч., кет.) в значении кондиционалиса. Последний используется в составе сложного предложения для обозначения действия, являющегося условием выполнения другого действия (ОчСЯ 243): *kutij tüi tübi kušam apstegu nado* '(если) кто придет (императив), то пришедшего человека накормить надо'; *iŋenne tarati kai tüi kutinen as ik nūkkut* '(если) кто придет (императив), никому не открывай'.

Отмечено также специфическое функционирование периферийных форм императивной парадигмы на уровне синтаксиса. Они могут выступать в той части предложений открытой структуры (союзных сложноподчиненных), которая указывает на цель, назначение действия, совершаемого в другой (главной) части: нар. *nādek atelzešpa kβ'et tol b'ełekand taben kory i ge konzernim d* 'девушка пряталась за березу, чтобы ее медведь не увидел' (императив); ср. енис. *kuŋen ?orse manimbotin torñijajim natka kañañ aj surim i gi amñi jeten* 'люди очень следят за телятами, чтобы их не съели (императив) собаки или медведь'; *kušarın tükenj tanj pastuxi ?oçoldekotin purjim natka ?otitim i ge amñijeten niñika aj tipañ* 'когда наступает лето, пастухи разводят дымокуры, чтобы оленя не ели (императив) комары и овод' и т. п. Предложениям со значением цели в составе сложных соответствуют в тазовском диалекте конструкции, куда входит имя действия с послелогом *cəty* 'для': *Na qumyt mulympuytät cəty cattynjyty* 'чтобы этот человек заговорил (букв. этого человека говорения для), он выстрелил' (ОчСЯ 392).

Сокращения

ИТМГЯ — Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола, Москва 1977; **ОчСЯ** — А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкина, Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект, Москва 1980; **Диалекты селькупского языка**: ен. — енисейский; кет. — кетский; нар. — нарымский; об. — обский; сев. — диалекты северного ареала; таз. — тазовский; тым. — тымский; южн. — диалекты южного ареала.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В. В. 1938, Современный русский язык. Грамматическое учение о слове, вып. 2, Москва.
 Ермолаева Л. С. 1978, Типология развития системы наклонений в германских языках. Автореферат докт. дисс., Москва.
 Морева Л. В. 1972, Некоторые способы выражения модальности в среднеобских говорах селькупского языка. — Языки и топонимия Сибири V, Томск, 79—84.
 — 1975, Будущее время в селькупском языке. — Языки и топонимия Сибири VII, Томск, 119—124.
 Морева Л. В., Алиткина Л. А. 1976, Предложения с модальными значениями (Обь). — Сказки народов Сибирского Севера II, Томск, 92—105.
 Кузнецова Н. Г. 1988, Эволюция оптатива в диалектах селькупского языка. — СФУ XXIV, 189—194.

- Пазухин Р. 1974, Так называемое «повелительное наклонение» и его парадигма. — *Studia Rossica Posnaniensia, Poznań*, 85—95.
- Потебня А. А. 1941, Из записок по русской грамматике, т. 4, Москва.
- Терешенко Н. М. 1979, Нганасанский язык, Ленинград.
- Хелимский Е. А. 1985, К исторической диалектологии селькупского языка. — *Лексика и грамматика языков Сибири, Барнаул*, 42—58.
- Храковский В. С., Володин А. П. 1986, Семантика и типология императива. *Русский императив, Ленинград*.
- Штелинг Д. А. 1973, Целенаправленность речи и категория наклонения. — *Русский язык за рубежом*, 64—70.
- Castrén, M. A., Lehtisalo, T. 1960, *Samojedische Sprachmaterialien, Helsinki (MSFOu CXXII)*.
- Glinz, H. 1961, Die innere Form des Deutschen. Eine neue deutsche Grammatik, Bern-München.
- Jakobson, R. 1971, *Selected Writings, Vol. 2, the Hague*, 7—16.
- Moreva, L. V. 1985, Das Modalfeld des Selkupischen (in Mundarten am mittleren Ob'). — *Congressus Sextus Internationalis Fenno-Ugristarum. Thesen I, Syktyvkar*.
- Moskalskaja, O. 1975, *Grammatik der deutschen Gegenwartssprache, Moskau*.

N. G. KUZNECOVA (Tomsk)

THE IMPERATIVE IN SOUTHERN SELKUP DIALECTS

In Southern Selkup the imperative is used not only to induce a person to do something. In simple sentences the imperative of the 2nd and the 3d persons is also used to express necessity or obligation. The 3d person forms are used in adverbial clauses to denote the purpose of an action and in conditional sentences to express a real condition.